

ГРНТИ 11.01.65

Научная статья

<https://doi.org/10.32523/2616-6887-2025-153-4-144-153>

Этнические анклавы на территории государств Центральной Азии: факторы устойчивости и их потенциальная конфликтогенность

Р.К. Досмурзин¹ , Н.С. Пусырманов*¹

Институт истории государства, Астана, Казахстан

(E-mail: rustem.dosmurzinov@mail.ru, nurbekp89@gmail.com)

Аннотация. В статье представлены результаты исследования этнических анклавов на территории стран центрально-азиатского региона. Целью исследования стало выявление факторов устойчивости этнических анклавов и их потенциала конфликтности. Основным методом выступил исторический метод, в исследовании широко раскрывается предыстория этнических анклавов.

Главным фактором устойчивости этнических анклавов определено то, что анклавы являются сельскими населенными пунктами, в которых население, в основном, занимается сельским хозяйством. На основе разработанная автором исследования шкалы конфликтогенности была проанализирована ситуация в этнических анклавах, в которых были отмечены конфликты. В ходе исследования было выявлено то, что большую роль в развитии ситуации в этнических анклавах играют СМИ. Таким образом, этнические анклавы Центральной Азии представляют собой сложное социально-территориальное явление, сформировавшееся под воздействием исторических, политических и экономических факторов. Их устойчивость во многом обеспечивается сельским характером расселения, высокой социальной сплочённостью и ориентацией населения на традиционные формы хозяйствования. Одновременно дефицит ресурсов, незавершённость процессов демаркации границ и политизация этничности усиливают конфликтный потенциал отдельных анклавов. Существенную роль в эскалации либо сдерживании напряжённости играют средства массовой информации и современные коммуникационные каналы. В целом эффективное урегулирование ситуации вокруг этнических анклавов требует комплексного межгосударственного подхода, учитывающего как историческую специфику региона, так и современные социально-политические реалии.

Ключевые слова: Центральная Азия, этнические анклавы, общая численность населения, межэтнические конфликты, средства массовой информации.

Поступила: 03.03.2025; Принята: 25.11.2025; Доступна онлайн: 30.12.2025

Введение

Почти на всей территории пяти государств Центральной Азии (ЦА), ставших после распада СССР на путь развития национальной государственности, оказались расположены так называемые этнические анклавы. В научном обороте данный термин начал применяться относительно недавно и обозначает это территорию и географическую среду, на которой компактно проживают представители преимущественно одной этнической (нетитульной) группы. Население этнического анклава обладает высокой культурной однородностью и языковым единством.

Переходя к теоретическому обоснованию этнических анклавов, отметим, что концепт «этнического анклава» должен быть тесно связан с теорией этноса. Многие исследования социологов, культурологов (культурных антропологов) и экономистов, проведенные прежде всего в США и Европе, остановились на экономических и культурологических аспектах феномена, не принимая в особое внимание теоретические разработки этноса и этничности.

В совместной статье Кеннет Л. Уилсона и А. Портеса (1980), в которой был представлен анализ кубинских анклавов в Майами, развивается т.н. «анклавная гипотеза». Согласно данной гипотезе, этническая концентрация оказывает защитное воздействие на внешнее окружение (как правило, враждебное) анклава [1]. Защитные эффекты анклавов во многом связаны с концентрацией экономической мощи для поддержки социального, культурного и политического развития иммигрантских общин, стремящихся поддерживать жизнь сообщества в стране, где образовался анклав [2].

В коллективном исследовании П.-А. Эдина, П. Фредрикссона, О. Аслунда (2003) был проведен проанализирован «эксперимент» в отношении иммигрантов в Швеции, когда государственные органы этой страны распределяли беженцев-иммигрантов по локациям. Проживание в анклавах улучшает условия рынка труда для менее квалифицированных иммигрантов: прирост заработка, Члены этнических групп, обладающие более высоким доходом, «выигрывают» больше от проживания в анклав, нежели члены этнических групп с низким доходом [3]. В статье М. Кадира и С. Кумара (2006), посвященной раскрытию социальной сплоченности этнических анклавов, обращается внимание на то, что этнические анклавы имеют яркую коммерческую и сервисную инфраструктуру. Определено, что для этнических анклавов характерен высокий уровень социальной солидарности. Социальная сплоченность в значительной степени поощряется через равенство экономических возможностей, открытое общество и государственное образование [4].

В статье М. Андерссона, Й. Ларссона, О. Онер (2020) показано, что характеристики этнического анклава могут оказать влияние на распространение самозанятости иммигрантов. Самозанятость рассматривается не только в качестве средства для иммигрантов выйти на рынок труда, но также и как сила, которая может создавать рабочие места для других иммигрантов. Интеграция иммигрантов в новых странах проживания зависит от характеристик самого этнического анклава [5].

Почему и как формируются этнические анклавы? Что вынуждает отдельные части одного этноса мигрировать на территорию иной страны? При каких условиях и как происходит развитие этнических анклавов? Приведенные выше исследования в целом не дают полного ответа на данные вопросы.

Учитывая подобный «прагматизм» зарубежных научных исследований, следует добавить, что данный тренд характерен и для исследований центральноазиатского региона. Кроме того, региональные исследования характеризует большое влияние политической оценки. Так, в работах кыргызских ученых С.К. Аламанова и А. Уметалиевой даны предложения – комплексно решить проблему при приоритетности ускорения процессов делимитации и демаркации границ на условиях равноправных консультаций, взаимопонимания и взаимной уступчивости, а также принять соглашение о режиме анклавов, учитывающее интересы каждой стороны [6, с. 172], [7, с. 458]. В работе А.Я. Бабаджанова, С.И. Чернявского приводится вывод о том, что «Средняя Азия продолжает оставаться латентным конфликтогенным регионом» [8]. Большую роль в исследовании отводится Узбекистану и его позиции по ключевым вопросам. В коллективной статье Ш.К. Зипатолла, Ж.М. Кенжегали, М.К. Хуррамова (2022) была изучена роль СМИ в освещении конфликта между кыргызами и таджиками в анклаве Ворух в 2021 году [9].

Таким образом, дискурсы исследований этнических анклавов в ЦА отличаются от мировых тенденций, что обусловлено локальными особенностями и спецификой. Следует принимать во внимание, что условия и история формирования этнических анклавов ЦА иные, чем в странах Запада. В 1924-1925 гг., на территории региона, ранее входившего в имперские административные структуры, были установлены новые границы в соответствии с национальными автономиями и принадлежавшими им землями [10]. Этот процесс, получивший название «национально-территориального размежевания», не был завершен до конца и его последствия не учитывали веками развивавшийся симбиоз между кочевым и оседлым, сельским и городским населением. В течение последующих лет советского периода государств ЦА вопрос об этнических анклавах не имел большого значения, поскольку все страны региона находились в Советском Союзе. В 90-е гг. XX в. «молодые» государства Центральной Азии, занимаясь определением государственных границ, по существу, столкнулись с проблемой этнических анклавов как объективной реальностью.

Материалы и методы исследования

Целью исследования стало выявить условия и причины устойчивого существования этнических анклавов на территории государств ЦА, определить существует ли в целом и в какой степени (уровне) в этнических анклавах сохраняется конфликтность (если существует) в современный период.

Источниковую базу исследования составили материалы статистики и средств массовой информации (СМИ). Главными методами исследования, помимо общенаучных методов анализа, синтеза и обобщения, выступили исторический метод и метод контент-анализа публикаций.

Потенциальная конфликтогенность этнических анклавов определяется по разработанной нами следующей шкале:

- история взаимоотношений и хозяйственных связей этносов – от 0 до 5 баллов (от 0 до 3 баллов – низкий уровень конфликтогенности; 3-4 балла – средний уровень конфликтогенности; 5 баллов – высокий уровень конфликтогенности);
- степень культурной близости (дистанцированности) этносов – от 0 до 5 баллов (от 0 до 3 баллов – низкий уровень конфликтогенности; 3-4 балла – средний уровень конфликтогенности; 5 баллов – высокий уровень конфликтогенности);

– экономическая и политическая ситуация как в этнических анклавах, так и окружающих его странах – от 0 до 10 баллов (от 0 до 3 баллов – низкий уровень конфликтогенности; от 3 баллов до 6 баллов – средний уровень конфликтогенности; от 7 до 10 баллов – высокий уровень конфликтогенности).

Результаты и обсуждение

Основным фактором устойчивости этнических анклавов (эксклавов) выступает то, что они являются сельскими поселениями. Большинство населения в них занимается сельским хозяйством. В таких поселениях, как правило, выше уровень социальной солидарности и темпы прироста населения, чем в городах.

Главным параметром выделения населения этнического анклава от остального этнического массива является политическая и экономическая ситуация в той стране или на той территории, которая была местом изначального исхода. Представители этнического анклава осознают свою идентичность с основным этносом, имеющим свою государственность, но в некоторой степени отличают себя и от него. Тем не менее данный тезис требует проведения дальнейших исследований, в том числе изучения идентичности членов этнических анклавов.

Сведения о количестве этнических анклавов в Центральной Азии противоречивы и зависят от общей оценки. У границ Кыргызстана расположены 4 анклава Узбекистана – Сох, Шахмардан, Чонкара (Чонгара)-Галча, Таш-Тепе, а также 2 анклава Таджикистана – Ворух, Курук-Сай. У пограничья Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана находятся анклавы Барак и Сарваксай [6, с. 156]. По данным других исследований, в Кыргызстане расположено 3 узбекских анклава, а в Узбекистане – 7 кыргызских [8].

В Казахстане этнические анклавы официально не признаны и в стране намерены бороться с анклавизацией на политическом уровне [10]. Оценки вновь разнятся. Тем не менее на обширной территории страны, являющейся «домом» для 125 этносов, существуют районы, близкие к характеристикам этнических анклавов. Русские компактно проживают в Северном и Восточном Казахстане, составляя большинство в некоторых районах, однако в целом многие населенные пункты данных регионов полиэтничны и данный факт обусловлен историей этнических и миграционных процессов. Узбекская диаспора, являющаяся третьей по численности в стране, представлена в крупных населенных пунктах юга страны – Сайрам, Карабулак, Карамурт, Манкент, Икан [11]. В южном Казахстане существуют компактные районы проживания уйгуров (населенные пункты Уйгурского р-на области Жетысу) и дунган (населенные пункты Кордайского р-на Жамбылской области).

Развитие отношений между кочевниками и оседлыми жителями, скотоводами и торговцами, горожанами, тюрками-кочевниками, тюркоязычными горожанами и «сартами» шире проблемы анклавизации и являются предметом отдельного исследования.

В Узбекистане высока концентрация казахов в Тамдынском (Навоийская область) и Бостанлыкском (Ташкентская область) районах, последняя из которых была передана из Казахской ССР в состав Узбекской ССР в 1956 году, а также в Республике Каракалпакстан (в 1925-1929 гг. находившейся в качестве автономной области составе Казахской АССР). Темпы миграции казахов из Узбекистана лишь нарастают [12].

В истории Туркмении практически не было периодов, когда на ее территории проживало бы этнически однородное население. В современный период крупнейшей этнической группой в стране, кроме туркмен, являются узбеки.

Представители узбекской диаспоры, насчитывающая более чем пятисотлетнюю историю, преимущественно проживают в приграничных районах Лебапского и Дашогузского велаятов. К настоящему времени, по данным Joshua Project, численность узбеков Туркмении составляет приблизительно 461 000 человек [13]. О каких-либо конфликтах между туркменами и узбеками в Туркмении неизвестно. Тем не менее по материалам, распространенным в сети Интернет, среди узбеков Туркменистана ускорились процессы эмиграции [14].

В Таджикистане численность узбеков, по данным Joshua Project, равна 1216000 человек, что составляет 11,8 % от всего населения страны [15]. По многим данным, количество узбекской диаспоры в стране уменьшается. Так, в 1989 г. узбеки составляли 23,5% от общего населения, в 2000 году – 17 % всего населения [16]. Происходит данный процесс также, потому что власти страны указывают в паспортах нацменьшинств название титульной нации, т.е. проводят ассимилятивную политику [17].

Наибольшую конфликтность имеют анклав Сох (Узбекистан – Кыргызстан; таджикское население села Сох, узбекские пограничники и кыргызы из близлежащих поселений) и Ворух (Кыргызстан – Таджикистан; таджики села Ворух и кыргызское население из окрестных сёл), в которых противоречия переходили в активную фазу, близкой к открытому военному противостоянию между странами. Ограниченность ресурсов (земли, воды), политическая ангажированность СМИ приводили к многочисленным стычкам между сторонами и усугублению межэтнических конфликтов в анклавах. Конфликтогенность в данных этнических анклавах из возможных 20 баллов оценивается нами в 15 баллов (анклав Сох – 3 балла по показателю истории межэтнических взаимодействий, 4 балла – по показателю культурной дистанции, 8 баллов – по показателю политической и экономической ситуации) и 16 баллов (анклав Ворух – 4 балла по показателю истории межэтнических отношений, 3 балла – по показателю культурной дистанции, 9 баллов – по показателю политической и экономической ситуации) соответственно.

Складывается картина, в которой этнические анклавы выступают ареалом беззакония и транзитивными сообществами, в которых господствуют архаичные нормы. Поэтому государства Центральной Азии должны принять различные меры по урегулированию ситуации в этнических анклавах. Тем не менее политическая и общественно-политическая риторика относительно этнических анклавов весьма противоречива. Так, например, власти Таджикистана заявили о том, что Ворух «никогда не был анклавом» Кыргызстана [18], [19]. Данный тезис активно используется в материалах различных СМИ.

Недавно на политическом уровне обеими сторонами были предприняты встречные шаги. В результате согласование и описание границ стало возможным, в том числе, благодаря обмену территориями на спорных участках [20]. Ситуация вокруг анклавов Сох и Чонгара-Галча осложняется тем, что на их территории были разведаны нефтяные месторождения, добываются нефть и газ. Кыргызстан нередко заявлял о необходимости потребовать плату от узбекской стороны за использование ресурсов месторождений, окруженных Баткенской областью республики [21].

Заключение

В большинстве своем, этнические анклавы в ЦА представляют собой сельские населенные пункты. Население этнических анклавов растет и становится все больше, а ресурсов, напротив, становится все меньше. Под влиянием политики той или иной страны ЦА, представители этнических групп избирают разные стратегии адаптации и сохранения идентичности: миграция (миграция казахов из Узбекистана и узбеков из Туркмении), вооруженная борьба (анклавы Сох, Ворух), ассимиляция среди титульного этноса (узбеки в Таджикистане). В этой связи, характер межэтнических отношений в странах ЦА оказывает прямое воздействие на ситуацию в этнических анклавах.

Конечно, не все территории, на которых проживают представители того или иного народа, являются этническими анклавами. В строгом смысле, этнические анклавы должны быть окружены границами однозначно, относящимися к другой стране и народу. Политические (межэтнические отношения) и экономические условия оказывают решающую роль в развитии ситуации вокруг этнических анклавов.

Большую роль в развитии конфликтности в этнических анклавах СМИ и современные средства коммуникации и связи, которые нередко формируют устойчивые представления и оказывают влияние на развитие этничности населения, не говоря уже о ее мобилизации.

Вклад авторов:

Досмурзинов Р.К. – осуществил концептуализацию исследования, определил теоретико-методологические основы анализа, а также участвовал в интерпретации полученных результатов и формулировании выводов статьи.

Пусырманов Н.С. – внес вклад в разработку аналитической рамки исследования, а также принял участие в экспертной оценке и научном редактировании текста статьи.

Список литературы

1. Wilson, K., Portes, A. (1980) "Immigrant Enclaves: An Analysis of the Labor Market Experiences of Cubans in Miami", University of Chicago Press, 86, 2, pp. 295- 319.
2. Espinoza-Kulick, M.A., Fennelly, M., Beck, K., Castañeda, E. (2021) "Ethnic Enclaves", Oxford Bibliographies. New York: Oxford University Press. Available via the link: <https://www.oxfordbibliographies> (Accessed: 3 March 2025).
3. Edin, P-A., Frederiksson, P., Åslund, O. (2003) "Ethnic enclaves and the economic success of immigrants – evidence from a natural experiment", Quarterly Journal of Economics, 118, 1, pp. 329-357.
4. Qadeer, M., Sandeep, K. (2006) "Ethnic Enclaves and Social Cohesion", Canadian Journal of Urban Research, 15, 2. pp. 1-17.
5. Andersson, M., Larsson, J., Öner, O. (2021) "Ethnic enclaves and self-employment among Middle Eastern immigrants in Sweden: ethnic capital or enclave size?", Regional Studies, 55, pp. 590-604.
6. Аламанов, С.К., Уметалиева, А. (2014) «Трансграничные конфликты: Обзор трансграничных конфликтов на государственной границе Кыргызской Республики с сопредельными государствами», Опыт Кыргызской Республики в управлении кризисными ситуациями: уроки для будущего. – Женева – Бишкек – Рига – София: Женевский центр демократического контроля над вооруженными силами и Центр по менеджменту безопасности и обороны при Институте информационно-коммуникационных технологий Болгарской Академии наук, Альманах, 2, с. 260.

7. Аламанов, С.К. (2018) «Анклавы в Центральной Азии: история вопроса и современные проблемы», Постсоветские исследования, 5, 1, стр. 451-459.
8. Бабаджанов, А.Я., Чернявский, С.И. (2010) «Проблемы межгосударственных отношений в Центральной Азии (на примере таджикско-узбекских и киргизско-узбекских отношений)», Вестник МГИМО-Университета, 4, стр. 33-36.
9. Zipatolla, S.K., Kenzhegali, Zh.M., Khurramov, M. (2022) "How did the media cover the 2021 conflict in the Vorukh exclave?", Вестник Карагандинского университета. Серия «История. Философия», 4, pp. 72-79.
10. Государство будет беспощадно бороться с провокаторами межнациональных конфликтов. Доступно по ссылке: <https://time.kz/news/politics/2021/10/21/kasym-zhomart-tokaev-anklavu-ne-nash-put> (дата обращения: 3 марта 2025 г.).
11. Байдаров, Е. (2016) Роль узбекской общины в социокультурном пространстве Казахстана. Алматы: Eurasian Research Institute of Khoca Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University, с. 34.
12. Казахи из Узбекистана все чаще переезжают в Казахстан. Доступно по ссылке: <https://orda.kz/kazahi-iz-uzbekistana-vse-chasche-pereezzhajut-v-kazahstan-390423/> (дата обращения: 3 марта 2025 г.).
13. Joshua Project. Country: Turkmenistan. Available via the link: <https://joshuaproject.net/countries/tx> (Accessed: 3 March 2025).
14. Узбеки Туркменистана стали чаще переезжать на историческую родину. Доступно по ссылке: <https://uz.kursiv.media/2023-11-15/uzbeki-iz-turkmenistana-stali-chashhe-pereezhat-na-istoricheskuyu-rodinu/> (дата обращения: 3 марта 2025 г.).
15. Joshua Project. Country: Uzbekistan. Available via the link: <https://joshuaproject.net/countries/tx> (Accessed: 3 March 2025).
16. Демоскоп Weekly. Итоги переписи Таджикистан. Доступно по ссылке: <https://www.demoscope.ru/weekly/037/evro04.php> (дата обращения: 3 марта 2025 г.).
17. Ergasheva, Z., Shams, B. Таджикистан: реалии жизни узбекской общины. Доступно по ссылке: <https://iwpr.net/ru/global-voices/tadjikistan-realii-zhizni-uzbekskoy-obshchiny> (дата обращения: 3 марта 2025 г.).
18. Ворух – не анклав, а исконно таджикская территория. Доступно по ссылке: <http://www.guliston.tj/navid/2629-2019-09-30-10-04-06> (дата обращения: 3 марта 2025 г.).
19. Власти Таджикистана вновь заявили, что Ворух – не анклав в Кыргызстане. Доступно по ссылке: <https://www.currenttime.tv/a/vlasti-tadjikistana-otkazalis-priznat-voruh-anklavom-kyrgyzstana/32041491.html> (дата обращения: 3 марта 2025 г.).
20. В Кыргызстане заявили об окончательном определении госграницы с Таджикистаном. Доступно по ссылке: <https://ustinka.kz/strana-i-mir/politika/106844.html> (дата обращения: 3 марта 2025 г.).
21. В Кыргызстане депутат потребовал, чтобы Узбекистан заплатил за нефть. Доступно по ссылке: <https://kun.uz/ru/63656128#!> (дата обращения: 3 марта 2025 г.).

Р.К. Досмурзинов, Н.С. Пұсырманов

Мемлекет тарихы институты, Астана, Қазақстан
(E-mail: rustem.dosmurzinov@mail.ru, nurbekp89@gmail.com)

Орталық Азия мемлекеттері аумағындағы этникалық анклавтар: тұрақтылық факторлары және олардың қақтығыстар әлеуеті

Аңдатпа. Зерттеуімізде этникалық анклавтардың жан-жақты сипаттары талданған. Зерттеудің басты мақсаты этникалық анклавтардың үстемделігін және олардың арасында қақтығыс пайда болып кетуіне әлеуетін анықтау болып табылды. Негізгі әдістің орнына тарихи әдіс қолданылды. Зерттеуімізде этникалық анклавтардың тарихы кеңінен көрсетілген.

Этникалық анклавтардың басты қозғаушы күші ретінде олардың ауылдық мекендер болғаны анықталды. Осы аймақтардағы халықтың көбі ауыл шаруашылығымен айналысады. Зерттеу барысында этникалық анклавтардағы ахуалына бұқаралық ақпараттар үлкен рөл атқаратыны белгіленді. Осылайша, Орталық Азиядағы этникалық анклавтар тарихи, саяси және экономикалық факторлардың ықпалымен қалыптасқан күрделі әлеуметтік-аумақтық құбылыс болып табылады. Олардың тұрақтылығы негізінен қоныстанудың ауылдық сипатына, жоғары әлеуметтік ынтымақтастыққа және халықтың дәстүрлі шаруашылық түрлеріне бағдарлануына байланысты қамтамасыз етіледі. Сонымен қатар ресурстардың тапшылығы, шекараларды делимитациялау үдерістерінің аяқталмауы және этничностың саясаттандырылуы жекелеген анклавтардың қақтығыс әлеуетін күшейтеді. Кернеудің өршуі немесе бәсеңдеуінде бұқаралық ақпарат құралдары мен заманауи коммуникация арналары елеулі рөл атқарады. Жалпы алғанда, этникалық анклавтар төңірегіндегі жағдайды тиімді реттеу аймақтың тарихи ерекшеліктері мен қазіргі әлеуметтік-саяси шындықтарын ескеретін кешенді мемлекетаралық тәсілді талап етеді.

Түйін сөздер: Орталық Азия, этникалық анклавтар, халықтың жалпы саны, этностар арасында қақтығыстар, бұқаралық ақпарат құралдары.

R.K. Dosmurzinov, N.S. Pussyrmanov

History State Institute, Astana, Kazakhstan
(E-mail: rustem.dosmurzinov@mail.ru, nurbekp89@gmail.com)

Ethnic enclaves on the territory of Central Asian states: sustainability factors and their conflictogenic potential

Abstract. The article presents the results of the study of ethnic enclaves on the territory of the countries of the Central Asian region. The aim of the study was to identify the factors of stability of ethnic enclaves and their potential for conflict. The main method was the historical method; the study broadly reveals the background of ethnic enclaves.

The main factor of sustainability of ethnic enclaves was determined to be the fact that enclaves are rural settlements where the population is mainly engaged in agriculture. On the basis of the conflictogenicity scale developed by the author of the study, the situation in ethnic enclaves were observed. The study revealed that the media play a major role in the development of the situation in ethnic enclaves. Thus, ethnic enclaves in Central Asia constitute a complex socio-territorial phenomenon shaped by historical, political, and economic factors. Their stability is largely ensured by the rural pattern of settlement, a

high level of social cohesion, and the population's orientation toward traditional forms of economic activity. At the same time, resource scarcity, the incompleteness of border delimitation processes, and the politicization of ethnicity increase the conflict potential of certain enclaves. Mass media and modern communication channels play a significant role in either escalating or containing tensions. Overall, effective regulation of the situation surrounding ethnic enclaves requires a comprehensive interstate approach that takes into account both the historical specificity of the region and contemporary socio-political realities.

Keywords: Central Asia, ethnic enclaves, total population, inter-ethnic conflicts, mass media.

References

1. Wilson, K., Portes, A. (1980) "Immigrant Enclaves: An Analysis of the Labor Market Experiences of Cubans in Miami", University of Chicago Press, 86, 2, pp. 295- 319.
2. Espinoza-Kulick, M.A., Fennelly, M., Beck, K., Castañeda, E. (2021) "Ethnic Enclaves", Oxford Bibliographies. New York: Oxford University Press. Available via the link: <https://www.oxfordbibliographies> (Accessed: 3 March 2025).
3. Edin, P-A., Frederiksson, P., Åslund, O. (2003) "Ethnic enclaves and the economic success of immigrants – evidence from a natural experiment", *Quarterly Journal of Economics*, 118, 1, pp. 329-357.
4. Qadeer, M., Sandeep, K. (2006) "Ethnic Enclaves and Social Cohesion", *Canadian Journal of Urban Research*, 15, 2, pp. 1-17.
5. Andersson, M., Larsson, J., Öner, O. (2021) "Ethnic enclaves and self-employment among Middle Eastern immigrants in Sweden: ethnic capital or enclave size?", *Regional Studies*, 55, pp. 590-604.
6. Alamanov, S.K., Umetalieva, A. (2014) «Transgranichnye konflikty: Obzor transgranichnyh konfliktov na gosudarstvennoj granice Kyrgyzskoj Respubliki s sopredel'nymi gosudarstvami», *Opyt Kyrgyzskoj Respubliki v upravlenii krizisnymi situatsiyami: uroki dlya budushhego*. Zheneva – Bishkek – Riga – Sofiya: Zhenevskij centr demokraticeskogo kontrolja nad vooruzhennymi silami i Centr po menedzhmentu bezopasnosti i oborony pri Institute informacionno-kommunikacionnyh tehnologij Bolgarskoj Akademii nauk, Al'manah, 2, s. 260. [in Russian]
7. Alamanov, S.K. (2018) «Anklavy v Central'noj Azii: istoriya voprosa i sovremennye problemy», *Postsovetskie issledovaniya*, 5, 1, str. 451-459. [in Russian]
8. Babadzhanov, A.Ja., Chernjavskij, S.I. (2010) «Problemy mezhgosudarstvennyh otnoshenij v Central'noj Azii (na primere tadzhiksko-uzbekskih i kirgizsko-uzbekskih otnoshenij)», *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 4, str. 33-36. [in Russian]
9. Zipatolla, S.K., Kenzhegali, Zh.M., Khurramov, M. (2022) "How did the media cover the 2021 conflict in the Vorukh exclave?", *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya «Istoriya. Filosofiya»*, 4, pp. 72-79.
10. Gosudarstvo budet besposhhadno borot'sja s provokatorami mezhnacional'nyh konfliktov. Dostupno po ssylke: <https://time.kz/news/politics/2021/10/21/kasym-zhomart-tokaev-anklavy-nenash-put> (data obrashheniya: 3 marta 2025 g.). [in Russian]
11. Bajdarov, E. (2016) Rol' uzbekskoj obshhiny v sociokul'turnom prostranstve Kazahstana. Almaty: Eurasian Research Institute of Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University, s. 34. [in Russian]
12. Kazahi iz Uzbekistana vsjo chashhe pereezzhajut v Kazahstan. Dostupno po ssylke: <https://orda.kz/kazahi-iz-uzbekistana-vse-chashe-pereezzhajut-v-kazahstan-390423/> (data obrashheniya: 3 marta 2025 g.). [in Russian]
13. Joshua Project. Country: Turkmenistan. Available via the link: <https://joshuaproject.net/countries/tx> (Accessed: 3 March 2025).

14. Uzbeki Turkmenistana stali chashhe pereezhat' na istoricheskuyu rodinu. Dostupno po ssylke: <https://uz.kursiv.media/2023-11-15/uzbeki-iz-turkmenistana-stali-chashhe-pereezhat-na-istoricheskuyu-rodinu/> (data obrashheniya: 3 marta 2025 g.). [in Russian]
15. Joshua Project. Country: Uzbekistan. Available via the link: <https://joshuaproject.net/countries/tj> (Accessed: 3 March 2025).
16. Demoskop Weekly. Itogi perepisi Tadzhikistan. Dostupno po ssylke: <https://www.demoscope.ru/weekly/037/evro04.php> (data obrashheniya: 3 marta 2025 g.). [in Russian]
17. Ergasheva, Z., Shams, B. Tadzhikistan: realii zhizni uzbekskoy obshhiny. Dostupno po ssylke: <https://iwpr.net/ru/global-voices/tadzhikistan-realii-zhizni-uzbekskoy-obshhiny> (data obrashheniya: 3 marta 2025 g.). [in Russian]
18. Voruh – ne anklav, a iskonno tadzhikskaya territoriya. Dostupno po ssylke: <http://www.guliston.tj/navid/2629-2019-09-30-10-04-06> (data obrashheniya: 3 marta 2025 g.). [in Russian]
19. Vlasti Tadzhikistana vnov' zayavili, chto Voruh – ne anklav v Kyrgyzstane. Dostupno po ssylke: <https://www.currenttime.tv/a/vlasti-tadzhikistana-otkazalis-priznat-voruh-anklavom-kyrgyzstana/32041491.html> (data obrashheniya: 3 marta 2025 g.). [in Russian]
20. V Kyrgyzstane zayavili ob okonchatel'nom opredelenii gosgranicy s Tadzhikistanom. Dostupno po ssylke: <https://ustinka.kz/strana-i-mir/politika/106844.html> (data obrashheniya: 3 marta 2025 g.). [in Russian]
21. V Kyrgyzstane deputat potreboval, chtoby Uzbekistan zaplatil za neft'. Dostupno po ssylke: <https://kun.uz/ru/63656128#!> (data obrashheniya: 3 marta 2025 g.). [in Russian]

Сведения об авторах:

Досмурзинов Р.К. – PhD, Институт истории государства КН МНВО Республики Казахстан, Астана, Казахстан.

Пусырманов Н.С. – автор для корреспонденции, PhD, Институт истории государства КН МНВО Республики Казахстан, Астана, Казахстан.

Досмурзинов Р.К. – PhD, Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің Ғылым комитеті жанындағы Мемлекет тарихы институты, Астана, Қазақстан.

Пұсырманов Н.С. – хат-хабарға жауапты автор, PhD, Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің Ғылым комитеті жанындағы Мемлекет тарихы институты, Астана, Қазақстан.

Dosmurzinov R.K. – PhD, History State Institute of the Committee of Science of Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan.

Pussyрманов N.S. – corresponding author, PhD, History State Institute of the Committee of Science of Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan.

Copyright: © 2025 by the authors. Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY NC) license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).